УДК 39 (=512.156)
DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-5-146-155

Некоторые аспекты изучения этногенеза тувинского народа

В. В. Ушницкий

*Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных
народов Севера СО РАН
Якутск, Россия*

Аннотация

Решается проблема изучения этногенеза тувинского народа. Его предками считаются древние этносы, имевшие самоназвание *дубо-тумат* и *урианхай-уранхай*. Поэтому в первую очередь велся поиск этнических связей с носителями этих этнонимов. Действительно, основой для формирования тувинского народа стало средневековое племя самодийского происхождения *дубо*. Но прослеживается также наличие древнетюркского, уйгурского и кыргызского компонентов в процессах этногенеза. Имеются следы этнокультурных контактов с предками народа *сахы*. Подчеркиваются этнические отличия между монгольскими степными *урианхайцами* и лесными – предками тувинцев. Но в монгольско-ойратский период происходило сближение между этими двумя группами, в результате чего алтайских *урианхайцев* – вероятных потомков степных, можно отнести к этнической группе тувинского народа, как и *дархатов*. В целом тувинцев можно назвать прямыми потомками самодийцев, тюрков, уйгуров, енисейских кыргызов, кыпчаков и керейтов, а также лесных *ойн-урианхатов* с участием монголов.

Ключевые слова

Саяно-Алтай, тувинцы, этногенез, история

Для цитирования

Ушницкий В. В. Некоторые аспекты изучения этногенеза тувинского народа // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 5: Археология и этнография. С. 146–155. DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-5-146-155

Some Aspects of the Study of the Ethnogenesis of the Tuvan People

V. V. Ushnitsky

*Institute for Humanitarian Research and the Problems
of the Indigenous Peoples of the North SB RAS
Yakutsk, Russian Federation*

Abstract

The article is devoted to the problem of the ethnogenesis of the Tuvian people. The ancestors of the Tuvans are considered to be the ancient ethnos who called themselves the *Dubo-Tumat* and *Uryanhai-Uranhai*. Therefore, first of all, a search was carried out for ethnic connections with the carriers of these ethnonyms. Indeed, the basis for the formation of the Tuvian people was the medieval tribe of Samoyed origin *Dubo*. The presence of the ancient Türkic, Uyghur and Kyrgyz components in the processes of ethnogenesis is also traced. Traces of ethnocultural contacts with the ancestors of the *Sakha* people are noted. They are the carriers of the ethnonym *Uranhai*. If the Tuvians use this name through descendants of the *Dubo* – mountain-taiga (inhabitants of the forest), *Oin-Uryankhats*, then the name *Sakha* as *Uranghayans* is a reminder of the Türkic-speaking Tumats as the main ancestors of the Yakut-*Sakha*. The article emphasizes ethnic differences between the Mongolian steppe *Uryanghai* and the forest – the ancestors of the Tuvans. However in the Mongol-Oirat period there was a rapprochement between these two groups of *Uryankhai* people, as a result of which the Altai *Uryankhai* people, the probable descendants of the steppe, can be attributed to the ethnic group of the Tuvan people, as well as the *Darchats*. In general, the Tuvians can be called direct descend-

© В. В. Ушницкий, 2020

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 5: Археология и этнография
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2020, vol. 19, no. 5: Archaeology and Ethnography

ants of the ancient Turks, Uigurs, Yenisei Kyrgyz and Kereits, as well as forest *Oin-Uryankhats*. In the history of their ethnogenesis, the Scythian-Siberian, Old Samodian, Ancient Turkic, Uygur, Kypchak, Kereit and Mongolian periods stand out.

Keywords

Sayan-Altai, Tuvans, ethnogenesis, history

For citation

Ushnitsky V. V. Some Aspects of the Study of the Ethnogenesis of the Tuvan People. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2020, vol. 19, no. 5: Archaeology and Ethnography, p. 146–155. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-5-146-155

Введение

Удивительными явлениями в мировой истории являются рождение и становление народов, которые как биосоциальные организмы имеют свои, более никому не свойственные, особенности. Единство их языка и антропологического облика обычно формируется в течение веков, свидетельствуя о преемственности этносов, живущих на каждой отдельной территории. Однако, как и ребенок, новый организм зарождается, неся основные элементы, доставшиеся ему от «родителей».

Относительно такого крупного народа современной России, как тувинцы, предки которых жили в древнем «котле народов» – Центральной Азии, до сих пор не удается удовлетворительно решить проблему этногенеза. По предположению Л. Р. Кызласова, в народность тувинцы начали складываться лишь в конце XV – начале XVI в., поскольку в XIII–XV вв. их различные этнографические группы еще резко отличались друг от друга культурой и погребальным обрядом [Кызласов, 1964. С. 82]. Но археологических материалов XV–XVI вв. так мало, что вопрос о происхождении непосредственных предков тувинского народа только по данным археологии, в целом, пока неразрешим [Там же]. Установление времени и мест формирования предков тувинцев – цель в настоящее время весьма актуальная. Основные задачи нашей работы заключаются в том, чтобы выявить и охарактеризовать ряд аспектов, касающихся изучения общих исторических корней тувинцев и древних соседей их предков, в том числе анализируя и сопоставляя имеющиеся сведения письменных и археологических источников. Новизна исследования состоит в развитии и уточнении некоторых положений в отношении этногенеза тувинцев, высказанных ранее отдельными научными предшественниками, в первую очередь З. В. Анайбан и Маннай-оол Монгуш [2014].

Дубо как первопредки тувинцев

Современные тувинцы и их этнографические группы¹ – тоджинцы, цаатаны, тофы, сойоты, кок-мончаки, дархаты и алтайские урянхайцы, живут на огромной территории, в основном в горно-таежных местностях Западного и Восточного Саяна, Большого Алтая, Верхнего Енисея и у оз. Хубсугул. Большая часть этого населения занимается скотоводством, но небольшие группы в горной тундре ведут оленеводческое хозяйство. Этим они отличаются от остальных современных тюрков (кроме самых северных – саха и долган). В историографии сложилось представление, что тувинцы – это потомки коренных жителей Саянских гор. Поэтому все их этнические группы иногда называют «саянидами».

Распространено мнение, что именно в Саянах расположена южная прародина самодийцев. Здесь, действительно, долго отмечались их отдельные группы. Так, И. Г. Георги сообщал о «племени саят, называемых также суйотами или сойотами»; он относил их к самодийцам, что «доказывается их видом, языком и житейскими обычаями» [Там же. С. 156]. По мнению академика П. С. Палласа, тувинцы – «остатки самоедов, вытесненных со своих старых мест обитания» [Там же]. А. М. Кастрен писал, что сойоты в середине XIX в. говорили на том же

¹ Автор придерживается именно такой точки зрения.

наречии, что и минусинские татары (хакасы), но в языке остались следы, свидетельствующие о несомненно «самоедском происхождении» их части [Анайбан, Маннай-оол, 2014. С. 156–157]. Н. А. Кастрен отмечал, что тоджинцы и тофы еще в недавнем прошлом также говорили на самодийских языках [Кастрен, 1860. С. 375, 392, 402; Сердобов, 1971. С. 155, 242]. Д. Каррутерс, посетивший Туву в 1910 г., писал, что ее жители представляют «из себя потомков нации, образовавшейся путем смешения аборигенов территорий, прилегающих к реке Енисею, с древними тюркскими и угорскими племенами, на которых сильное влияние оказали, в свою очередь, монголы» [1914. С. 198]. Рассматривая проблему происхождения тувинцев, Г. Е. Грумм-Гржимайло [1926] также отметил сложный этнический состав этого народа и уточнил, что в него входят тюркские, самодийские, монгольские и кетские этнические компоненты. Н. А. Баскаков, В. М. Надеяев, В. И. Рассадин и другие тюркологи считали, что остается в силе основной постулат В. В. Радлова о возникновении тувинской речи в результате тюркизации какого-то палеосибирского населения (самодийцев, возможно, кетов и т. п.) [СИГТЯ, 2002. С. 600]. Подобные определения давали и иные авторы. В связи с этим заслуживает внимания мнение Л. П. Потапова, уточняющего, что древние жители части региона были самодийского происхождения, но впоследствии они подверглись языковой ассимиляции племенами теле, тем не менее сохранив самоназвание *дубо* [1969. С. 183]. Оно и стало собирательным для формировавшейся первоосновы будущего тувинского народа [Сердобов, 1971. С. 240–241]. Данная идея, которую следует считать наиболее адекватной относительно комплекса имеющихся источников, обосновывается рядом исторических обстоятельств.

Так, этноним *дубо* вполне сопоставим с древним племенным названием *тоба* (или *топа*). Более того, М. Х. Маннай-оол предполагал, что тоба были предками дубо, или находились с ними в родственных отношениях [2004. С. 59]. Вероятнее всего, в первых веках I тыс. н. э. этнически близкие уйгурам племена тоба / топа проникли в Саяны, где на части территории уже жили самодийцы и, возможно, кеты. Так, по весьма интересному сообщению тувинского информатора О. Д. Куулара тувинский род тумат первоначально (примерно с IV в. н. э.) проживал в верховьях реки Амур и имел название *тыва*. Затем этот этноним мог трансформироваться по схеме тыва – тоба – туба – тума – тумат [Молдобаев, 1989].

В результате такого взаимодействия в Саянском регионе был сформирован новый тюркоязычный этнос – горные охотники-скотоводы или пешие таежные охотники, которых можно назвать «южно-сибирские горцы». Его основу составляли уйгуроязычные топа / тоба, т. е. будущие дубо, создавшие под одноименным названием конфедерацию племен, к V в. н. э. населявшую Восточный Саян и окрестности оз. Косогол. Согласно сведениям Тан-шу, они, считавшиеся одним из племен древних тюрков [Маннай-оол, 2004. С. 59], состояли из союза трех этнических групп – собственно дубо, милиге и хэчжи. Милиге отождествляются с меркитами – их еще в XIII в. в китайских источниках называли *милиге*; в XI в. меркиты переселились в Забайкалье. Этноним *хэчжи* напрямую связывают с тувинским родом эчжень урянха – Ю. А. Зуев [2002] читает это со среднекитайского как *канглы*.

Однако некоторые исследователи связывали распространение этнонима *дубо* в форме *туба* с позднейшими переселениями в Туву с севера, из-за Саян, тубинцев, т. е. населения позднесредневекового кыргызского княжества Туба. По мнению Н. А. Сердобова, есть некоторые основания предполагать самодийскоязычность маады и их родственность с маторами, расселенными в XVII в. в основном по северную сторону от Саяна [1971. С. 153]. Кроме того, автор считал, что этноним *туба* в XVII в. являлся самоназванием и части племен, живших в Прикосоголье и в верховьях Иркуты (иркитов, долонгутов) [Там же. С. 241]. С. И. Вайнштейн также полагал, что «основную роль во внесении этнонима *туба* в среду племен степной части Тувы, очевидно, сыграло переселение сюда из мест первоначального обитания тюркоязычных тубинцев, но уже в XVIII в.» [Там же. С. 242]. В конце XIX в. Н. Ф. Катанов писал, что и карагасы (тофы) именовали себя «туба»; по языку и происхождению они весьма близки к тувинцам [1893. С. 16]. Л. П. Потапов указывал на самодийское происхождение ка-

рагасов, отмечая их родственность тоджинцам [Потапов, 1957. С. 162–163]. Но во второй четверти XVIII в. результате русско-цинского разграничения в Южной Сибири тофы-туба остались в составе России и поэтому почти не участвовали в дальнейшем формировании тувинской народности [Сердобов, 1971. С. 162–163]. Несомненно, переселения на территорию Тувы с севера имели место вплоть до начала XVIII в., однако нельзя забывать, что они накладывались на уже существующие реалии в этнонимике, где в основе лежал корень *дубо*.

Распространение в предшествующее время этнонима *дубо* (в разных фонетических вариантах) Н. А. Сердобов связывал с появлением в XVI–XVIII вв., а возможно и ранее, в Западной и Южной Туве, в Северо-Западной Монголии иргитов, соянов, точигасов, туматов, чооду и сарыг. Даже среди кок-мончаков Китая он обнаруживал сеоки иргит, сары-сойон, среди тубаларов – соен, сарыглар и т. д. [Там же. С. 243]. Опираясь на сведения хакасского фольклора, а также на данные о месте первоначального расселения чооду, иргитов и соянов, Н. А. Сердобов высказал предположение об этногенетическом родстве указанных групп с племенами конфедерации *дубо*.

В целом, по нашему мнению, различия субстрата, изолированность горно-таежных территорий, смешение с пришельцами с разных территорий привели к формированию в Саяно-Алтае ядра предков не только собственно современных тувинцев, но иных этнических групп. К ним А. М. Малолетко относил туматов, курыкан, тофов, сойотов, тоджинцев, приенисейских тубинцев, северных алтайцев и – что, по нашему мнению, маловероятно – даже хакасов и шорцев [2004. С. 144].

Иные группы населения, участвовавшие в сложении тувинского этноса

В первую очередь в рамках данной проблематики следует указать на следы, оставленные населением тюркского происхождения.

Первым высказал предположение о том, что одними из основных предков тувинцев были, в том числе, древние уйгуры, Г. И. Потанин [Анайбан, Маннай-оол, 2014. С. 157]. Их участие в этногенезе тувинских этносов доказывается наличием в составе уйгуров рода ондар, в котором видят потомков он-уйгуров. Следует напомнить, что *дубо* входили в состав древних уйгуров и теле-огузов как их часть.

Тувинский язык специалисты иногда считают прямым потомком языка древних уйгуров. Существует термин «уйгуро-уряньхайская группа языков», применяемый в лингвистике. Но российские лингвисты во главе с А. В. Дыбо выделяют и отдельную «тобаскую» группу тюркских языков. В ее состав включаются следующие: язык тыва, или тувинский язык; язык тофа, или тофский; язык туха, или уйгуро-уряньхайский, язык оленеводов-цаатанов Монголии; язык ту'ва цэнгэльских тувинцев; язык д'ва, или мончаков, Китайского Алтая (к ним относится также ховдинский диалект).

Интересно, что цаатаны называли себя уйгурами урянхайского происхождения, а свой язык – уйгурским; в Монголии цаатанов и тувинцев именовали уйгуро-уряньхайцами. Г. Н. Потанин писал, что «дархаты считают язык урянхайцев уйгурским, а народ их народом уйгурским» [1883]. Д. А. Клеменц сообщал, что «здесь живут урянхи, называющие себя туба, уйгуролос, а язык свой уйгуре хель» [Маннай-оол, 2004. С. 68]. Согласно классификации Н. А. Баскакова, этот язык следует отнести к уйгуро-тукуюской подгруппе уйгуро-огузской группы тюркских языков [1968. С. 15, 153]. Следовательно, этнонимы *уйгур* и *уряньхай* ~ *уранхай* могли употребляться в качестве синонимов?

Рашид-ад-Дин при описании лесных урянхатов подчеркивал, что «это племя не принадлежит к другим урянхатам: они получили это имя потому, что их юрты находились в лесах» [1952. С. 123]. Из данного описания следует, что быт лесных ойн-уряньхатов соответствовал этнической культуре тоджинцев и других горнолесных этнических групп тувинского народа, но никак не большинству тувинцев, занимавшихся разведением 5-ти видов скота (овцы, ло-

шади, КРС, верблюды и козы). Так, лесные урянхаты «никогда не выходили из лесов», «в местах, где они останавливались, они делали из коры березы и других деревьев немного навесов и лачуг и удовлетворялись этим», «зимой, по снежному покрову они бьют массу дичи» [Рашид-ад-Дин, 1952. С. 124]. Н. А. Сердобов утверждал, что термин *тубасы* в «Сокровенном сказании» монголов, который соответствовал лесным урянхатам Рашид-ад-Дина, имел фонетические варианты *туфа*, *туха* [1971. С. 241]. В свою очередь, Б. Р. Зориктуев отделяет носителей имен *тубасы*, *туфа*, *туха* от племени туматов, также вышедших с территории Тувы. Это означает, что отдельно существовали племена сайн-урянхатов и туматов.

В позднем Средневековье термином *урянхай* (*уранхай*) обозначались тюркоязычные обитатели Саяно-Алтайских гор. Но в Минский период урянхайцами назывался монголоязычный народ, образовавшийся после падения Монгольской империи. В ходе междоусобных войн он был раздроблен, и его осколки вошли в состав других племенных объединений – джунгаров, чахаров, халха и тувинцев. Часть оказалась на территории Западной Монголии и стала известна под именем алтайских урянхайцев.

Уточним, что в российских источниках тувинцы были известны под названием *урянхайцы* в XVII–XVIII вв. и *сойоты* в XIX – начале XX в. Под названием *урянхайцы* тувинцев знали цинские (монгольские) феодалы, подчеркивавшие этим их отсталость – типа «оборванцы, нищие». Поэтому распространено мнение о том, что в него вкладывался оскорбительный смысл. Однако еще Н. А. Сердобов подчеркивал, что среди тувинцев нет рода или племени урянха, и это доказывает иноземное происхождение данного термина [1971. С. 240] – скорее всего, оно монгольское. Относительно же сойотов Н. А. Сердобов верно заметил, что это название связано с именем Саянской земли и племени соянов [Там же. С. 239].

Следовательно, изначальными тувинцами являлись лесные группы, имеющие древнее самоназвание *дубо-тува*.

Относительно туматов, живших в пределах государства кыргызов и оказавших в XIII в. сопротивление армиям Монгольской империи, можно считать, что они обитали в горах Саяна. По поводу их этнической принадлежности имеются неоднозначные мнения. Например, Л. Р. Кызласов считал их потомками древних дубо, среди которых оказались как тюркоязычные, так и монголоязычные этнические группы [1969. С. 167]. Название *тумат* (во множественном числе монгольского языка используется окончание -ат / -ет) считается вариантом этнонима *туба*, хотя, по Б. И. Татаринцеву, они совершенно разного происхождения. Исходной формой имени *тумат* он считал слово *туман*. По происхождению оно тюркское и обозначало значительную группу людей [Татаринцев, 1990]. Действительно, в преданиях саха туматы иногда фигурируют как племя туман.

В Сокровенном сказании монголов туматы обозначены в двойном наименовании – *хори-тумат*. Возможно, отличия туматов и некоторых иных потомков дубо заключались в присутствии у них сильных монгольских влияний. Им они подверглись, соединившись с хори, которые, в свою очередь, ассимилировались с предками монголов. Но, видимо, следует отличать «чрезвычайно воинственных» [Рашид-ад-Дин, 1952. С. 122] туматов и представителей вполне миролюбивого племени хори-тумат, которые навсегда отделились от тувинской сферы и стали предками бурят и саха. Среди тувинцев туматы имеются в качестве отдельного рода. Это было бы невозможным, если бы термин *тумат* не полностью соответствовал носителям этнонима – *дубо* ~ *тува*. В целом туматов можно также считать одним из основных предков тувинского народа.

О прямой этнической связи между енисейскими кыргызами и тувинцами свидетельствует расположение на территории Тувы средневековых Кыргызских земель, или княжеств, Ус, Илань-Чжоу, Кэм-Кэмджиут, Ханьханэ (Хабханас). Юаньские источники упоминали отдельные этносы – усухань, ханаса, родственные кыргызам и переселенные с ними вместе в Маньчжурию. Хабханас располагалась на территории современной Тоджи, и ее жители занимались оленеводством [Кызласов, 1969]. Кроме того, в рунических надписях, найденных на территории Тувы, упоминаются иные многочисленные группы енисейских кыргызов: тогуз-

агдамдам, тюльбер и юз-кюмюл. С середины IX и до XVII в. отувинивавшиеся потомки кыргызов еще резко обособлялись использованием обряда трупосожжения [Кызласов, 1964. С. 86–87]. Все это, а также имя Тубинского улуса в XVII в. (территория современных Хакасии и юга Красноярского края), наличие родов и фамилии Кыргыз среди тувинцев говорят о вхождении племен Тувы в состав Кыргызского государства и расселении здесь крупных групп кыргызов. Возможно, среди тувинцев кыргызский компонент представлен не менее широко, чем среди современных хакасов.

Имя одного племени кереитов исследователи переводят как тумат, или дубоут, что близко словам *тумат* и *дубо*. Другие племенные названия кереитов также близки южносибирским тюркам: сахаэты – саха, тонгкаиты – тункаиты (от топонима Тунка – названия долины в Бурятии), а также донгак, тонг-жоан [Рашид-ад-Дин, 1952. С. 124–126]. В Тунке живут хонгодоры, название которых сопоставляют с хонкиратами, о которых известно, что 4 тысячи воинов из их племени Чингисхан отправил в область Тумат в качестве приданого за свою дочь, выданную замуж за вождя кунгиратов, или хонкиратов [Там же. С. 70]. Таким образом, возможно, одним из мест проживания туматов была Тункинская долина, откуда их затем оттеснили на Верхнюю и Среднюю Лену. Можно присоединиться к выводу Н. А. Сердобова о том, что кереиты являются одним из важных тюркоязычных компонентов тувинского народа.

В различных русских документах XVII–XVIII вв. содержатся сведения о мингатах. Их упоминают русские послы к Алтын-хану – В. Старков и С. Гречанин, как обитателей долины Хемчика, где они жили вместе с соянами. В первой четверти XVIII в. значительная часть мингатов была уведена в Джунгарию. После разгрома Джунгарского ханства часть их вернулась в Туву, другие оказались рассеянными между узбеками, башкирами и монголами, в среде которых сохраняли свое название. Среди современных тувинцев зафиксирована небольшая группа, сохранившая этноним *мингат* [Сердобов, 1971. С. 164]. Хотя он воспроизводится от слова *минг* – ‘тысяча’, имевшая большое значение в структуре монгольской армии, не исключено, что этноним имел распространение еще в домонгольскую эпоху. Следовательно, минги-тысячники не имели отношения к мингатам, близким по имени к монголам.

Относительно иргитов Н. А. Сердобов пришел к выводу об их тюркском (уйгурском) происхождении. Учитывая значительную распространенность этого этнонима не только в Туве, но и в Хакасии, на Российском и Монгольском Алтае, мы вправе говорить о том, что иргиты участвовали в тюркизации самодийскоязычных племен Тоджи и Минусинской котловины [Там же. С. 160]. Так, в 1660 г. в верховьях Иркутка отряд казаков атамана Я. Похабова столкнулся с группой иргитов князца Яндаша [Там же]. Впоследствии отмечалось наличие Ирхитского рода среди бурятов. Ирхиты же на западе современной Бурятии составили и основу сойотского этноса, который сложился из трех главных этнических групп – хаасутов, ирkitов и онхотов на территории Оки, и относится к достаточно древнему населению Окинского района [Рассадин, 2016. С. 103].

Монгуши в составе тувинцев и кыргызов считаются потомками монголов [Сердобов, 1971. С. 133]. Наиболее популярна версия происхождения этнонима, когда он напрямую сопоставляется с именем *монгол*. У самих древних монголов данный этноним имел произношение *монгус* (*mongγus*); известный синолог Н. Ц. Мункуев считал это не только одной из транскрипций этнонима *монгол*, но и его особой формой [Татаринцев, 1980. С. 144]. Если эти монгуши имели отношение к монголам, то только к хамаг-монголам или еще более древним. К тому же этноним *монгуш* похож на слово *Монгус* – обозначение людоеда или жадного едока в тюрко-монгольском фольклоре. Видимо, монгуши представляли собой часть енисейских кыргызов [Дамба и др., 2018. С. 613].

Этноним *ооржак* считается средневековым монголизмом. Сопоставляется со старописьменным монгольским «огурчак» (брошенный, покинутый, одинокий) и современным монгольским «оорцог» (обособленный, отдельный). Таким образом, это слово может восходить

к тюркскому этнониму *огур* [Дамба и др., 2018. С. 613]. Для проблематики данной публикации важно отметить, что в конце XVII в. керсагалы, орчаки и кучугеты, обитавшие на территории Верхнего Приобья, переселились на запад Саянских гор, т. е. в Туву [Екеев, 2015. С. 215]. Родоплеменную группу кужугетов в составе тувинцев Б. Б. Монгуш считал представителями потомков племени аз древнетюркского периода [2013].

Важно отметить, что группы монгуш, ооржак и сат среди тянь-шаньских кыргызов считаются пришлыми из Тувы [Сердобов, 1971. С. 133].

Б. Б. Монгуш поставил вопрос о преобладающей роли в этногенезе тувинского этноса чиков – народа енисейского происхождения. При этом он взял за основу гипотезу об участии кето-енисейского компонента в этом процессе. Этноним *чик* выводился им от слова «*сік*» – ‘лебедь, змея’ в енисейских языках. Загадочные названия *юз-кюмюл* и *тогуз-огдамдам* он также связывал с чиками. По предположению В. М. Наделяева, в основе современного тувинского языка может лежать язык чиков, отуреченный (не ранее VII в. н. э.) с участием уйгурского языка [Монгуш, 2007].

Но М. Х. Маннай-оол вхождение кетских этнических групп в состав тувинцев считал незначительным [2004. С. 90]. Отмечается слабая изученность данной проблематики, соответственно какое-либо заметное участие енисейского субстрата в этногенезе тувинцев оспаривается теорией о самодийском происхождении этого этноса, имеющей обширную историографию и многочисленные свидетельства о былом самодоязычии предков тувинцев и их этнических групп.

Приведенные выше сопоставления этноязыкового характера интересны также для якутского этногенеза, поскольку меркиты как носители уйгурского компонента весьма близки к саха и в эвенкийских легендах считаются предками конных тунгусов [Туголуков, 2013]. Кроме того, люди из Якутии сразу обращают внимание на сходство названия местности или села Танда в Баягантайском (ныне Усть-Алданском) улусе с тувинским топонимом Танды.

Заключение

Подчеркнем, что формирование тувинцев происходило вокруг самодийского этноса дубо, который начиная с раннего Средневековья постепенно подвергался тюркизации и, в меньшей степени, монголизации. Участие кето-енисейского компонента в его этногенезе следует считать незначительным. Вместе с тюркскими носителями этого термина, которые входили в состав древних тюрок, уйгуров, кыргызов и кереитов, в труднодоступных горно-таежных местностях Саяно-Алтая оставались отдельные самодийские этнические группы, которые сохранялись вплоть до начала XX в. Территорией формирования тувинского этноса являлись Верхний Енисей и Саяны. Основы тувинского народа и языка, возможно, сформировались уже в VII–X вв. в рамках трехплеменного союза дубо. В дальнейшем, вплоть до начала XVIII в., происходил процесс динамично нарастающего вливания в состав этого населения тюркского и монгольского компонентов. Но вполне достоверным представляется и участие в этом предков маторов (камасинцев), в этот же период вносивших самодийский компонент в тувинский этнос [Сердобов, 1971. С. 153]. Таким образом, главным содержанием истории формирования современных тувинцев являлись почти постоянные процессы вхождения в состав их предков представителей трех основных групп соседей – самодийского, тюркского и монголоязычного происхождения. Итак, в результате проведенного в настоящей публикации анализа ряда аспектов истории изучения происхождения тувинцев можно сделать основополагающий вывод, что в составе трехплеменного союза дубо прослеживается присутствие части этнических предков трех современных родственных тюркоязычных народов Сибири – тувинцев, хакасов и саха.

Список литературы

- Анайбан З. В., Маннай-оол М. Х. Этногенез тувинцев. Историография вопроса // Тюркские народы. Фрагменты этнических историй. М.: Изд-во ИЭА РАН, 2014. С. 151–175.
- Баскаков Н. А. Введение в изучение тюркских языков. М.: Высш. шк., 1968. 332 с.
- Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Л.: Изд-во Ученого комитета Монгольской Народной Республики, 1926. Т. 2. 906 с.
- Дамба Л. Д., Балановская Е. В., Жабагин М. К., Юсупов Ю. М., Богунов Ю. В., Сабитов Ж. М., Агджоян А. Т., Короткова Н. А., Лавряшина М. Б., Монгуш Б. Б., Кавай-оол У. Н., Балановский О. П. Оценка вклада монгольской экспансии в генофонд тувинцев // Вавиловский журнал генетики и селекции. 2018. № 22 (5). С. 611–619.
- Зуев Ю. А. Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. Алматы: Дайк-Пресс, 2002. 338 с.
- Екеев Н. В. Алтай: история и культура (Избранные труды). Горно-Алтайск: Горно-Алтайская типография, 2015. 472 с.
- Каррутерс Д. Неведомая Монголия Пг.: [б. и.], 1914. Т. 1. 341 с.
- Кастрен А. Путешествие в Сибирь. Магазин землеведения и путешествий. М.: Тип. Александра Семена, 1860. Т. 6: Географический сборник Николая Фролова. 495 с.
- Катанов Н. Ф. Письма из Сибири и Восточного Туркестана // Зап. Имп. Академии наук. 1893. Т. 23. С. 10–18.
- Кызласов Л. Р. Курганы тувинцев // Вестник МГУ. Серия 8. История. 1964. № 5. С. 82–93.
- Кызласов Л. Р. История Тувы в Средние века. М.: Изд-во МГУ, 1969. 212 с.
- Малолетко А. М. Древние народы Сибири. Этнический состав по данным топонимики. Томск: Изд-во ТГУ, 2004. Т. 3: Докаганатские тюрки. 292 с.
- Молдобаев Э. И. Этническая и культурная общность киргизов с народами Саяно-Алтая // Вопросы этнической истории киргизского народа. Фрунзе: [б. и.], 1989. С. 96.
- Маннай-оол М. Х. Тувинцы: Происхождение и формирование этноса. Новосибирск: Наука, 2004. 166 с.
- Монгуш Б. Б. Чижи: происхождение и роль в этногенезе тувинцев (по сведениям восточных письменных источников) // Омский научный вестник. 2007. № 5 (59). С. 15–19.
- Монгуш Б. Б. Происхождение азов и азский компонент в составе тувинцев (по сведениям восточных письменных источников) // Вестник ТГУ. 2013. № 3 (23). С. 146–151.
- Потапов Л. П. Происхождение и формирование хакасской народности. Абакан: Хакас. кн. изд-во, 1957. 308 с.
- Потапов Л. П. Этнический состав и происхождение алтайцев. Л.: Наука, 1969. 196 с.
- Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1883. Вып. 4. 425 с.
- Рассадин И. В. Родоплеменной состав и этническая история сойотов // Вестник БНЦ СО РАН. 2016. № 2. С. 99–104.
- Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. Т. 1, кн. 1–2. 221 с.
- Сердобов Н. А. История формирования тувинской нации. Кызыл: Тув. кн. изд-во, 1971. 473 с.
- СИГТЯ – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Региональные реконструкции. М.: Наука, 2002. 767 с.
- Татаринцев Б. И. О некоторых тувинских этнонимах // Новейшие исследования по археологии Тувы и этногенезу тувинцев. Кызыл: Изд-во ТНИИЯЛИ, 1980. С. 144–145.
- Татаринцев Б. И. Этноним туба // Сов. тюркология. 1990. № 2. С. 75–83.
- Туголуков В. А. Эвенки Восточной Сибири и Дальнего Востока. Красноярск: ИД «Сибирские промыслы», 2013. 352 с.

References

- Anayban Z. V., Mannay-ool M. Kh.** Etnogenez tuvintsev. Istoriografiya voprosa [Ethnogenesis of Tuvans. Historiography of the issue]. In: Tyurkskie narody. Fragmenty etnicheskikh istorii [Turkic peoples. Fragments of ethnic stories]. Moscow, IEA RAS Publ., 2014, p. 151–175. (in Russ.)
- Baskakov N. A.** Vvedenie v izuchenie tyurkskikh yazykov [Introduction to the study of Turkic languages]. Moscow, Higher School Publ., 1968, 332 p. (in Russ.)
- Bichurin N. Ya.** Sobranie svedenii o narodakh, obitavshikh v Srednei Azii v drevnie vremena [Collection of information about the peoples who lived in Central Asia in ancient times]. Moscow, Leningrad, AS USSR Publ., 1953, vol. 3, 332 p. (in Russ.)
- Carruthers D.** Nevedomaya Mongoliya [The Unknown Mongolia]. Petrograd, 1914, vol. 1, 341 p. (in Russ.)
- Damba L. D., Balanovskaya E. V., Zhabagin M. K., Yusupov Yu. M., Bogunov Yu. V., Sabitov Zh. M., Agdzhoyan A. T., Korotkova N. A., Lavryashina M. B., Mongush B. B., Kawai-ool U. N., Balanovsky O. P.** Otsenka vklada mongol'skoi ekspansii v genofond tuvintsev [Assessment of the contribution of Mongolian expansion to the Tuvanian gene pool]. *Vavilovskii zhurnal genetiki i selektsii* [Vavilovsky Journal of Genetics and Breeding], 2018, no. 22 (5), p. 611–619. (in Russ.)
- Ekeev N. V.** Altai: istoriya i kul'tura (Izbrannye trudy) [Altai: History and Culture (Selected Works)]. Gorno-Altaysk, Gorno-Altayskaya tipografiya Publ., 2015, 472 p. (in Russ.)
- Grumm-Grzhimailo G. E.** Zapadnaya Mongoliya i Uryankhaiskii krai [Western Mongolia and the Uryanhay Territory]. Leningrad, Scientific Committee of the Mongolian People's Republic Publ., 1926, vol. 2, 906 p. (in Russ.)
- Kastren A.** Puteshestvie v Sibir'. Magazin zemlevedeniya i puteshestvii [Travel to Siberia. Shop of geography and travel]. Moscow, Alexandr Semen Typography Publ., 1860, vol. 6: Geographical collection of Nikolai Frolov, 495 p. (in Russ.)
- Katanov N. F.** Pis'ma iz Sibiri i Vostochnogo Turkestana [Letters from Siberia and East Turkestan]. *Zapiski Imperatorskoi Akademii nauk* [Notes of the Imperial Academy of Sciences], 1893, vol. 23, p. 10–18. (in Russ.)
- Kyzlasov L. R.** Istoriya Tuvy v srednie veka [History of Tuva in the Middle Ages]. Moscow, Moscow State Uni. Publ., 1969, 212 p. (in Russ.)
- Kyzlasov L. R.** Kurgany tuvintsev [Tuvan mounds]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 8. Istoriya* [Bulletin of Moscow State University. Series 8. History], 1964, no. 5, p. 82–93. (in Russ.)
- Maloletko A. M.** Drevnie narody Sibiri. Etnicheskii sostav po dannym toponimiki [Ancient peoples of Siberia. Ethnic composition according to toponymy]. Tomsk, Tomsk State Uni. Publ., 2004, vol. 3. Pre-Kagan Turks, 292 p. (in Russ.)
- Mannay-ool M. Kh.** Tuvintsy: Proiskhozhdenie i formirovanie etnosa [Tuvintsy: The origin and formation of an ethnic group]. Novosibirsk, Nauka, 2004, 166 p. (in Russ.)
- Moldobaev E. I.** Etnicheskaya i kul'turnaya obshchnost' kirgizov s narodami Sayano-Altaya [Ethnic and cultural community of the Kyrgyz people with the peoples of Sayano-Altai]. In: Voprosy etnicheskoi istorii kirgizskogo naroda [Issues of the ethnic history of the Kyrgyz people]. Frunze, 1989, p. 96. (in Russ.)
- Mongush B. B.** Chiki: proiskhozhdenie i rol' v etnogeneze tuvintsev (po svedeniyam vostochnykh pis'mennykh istochnikov) [Chiki: the origin and role in the ethnogenesis of Tuvans (according to Oriental written sources)]. *Omskii nauchnyi vestnik* [Omsk Scientific Bulletin], 2007, no. 5 (59), p. 15–19. (in Russ.)
- Mongush B. B.** Proiskhozhdenie azov i azskii komponent v sostave tuvintsev (po svedeniyam vostochnykh pis'mennykh istochnikov) [Origin of the basics and the Az component in the

- composition of Tuvans (according to Oriental written sources)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of TSU], 2013, no. 3 (23), p. 146–151. (in Russ.)
- Potanin G. N.** Ocherki Severo-Zapadnoi Mongolii [Essays on Northwest Mongolia]. St. Petersburg, B. Kirshbaum Typography, 1883, iss. 4, 425 p. (in Russ.)
- Potapov L. P.** Etnicheskii sostav i proiskhozhdenie altaitsev [Ethnic composition and origin of Altai people]. Leningrad, Nauka, 1969, 196 p. (in Russ.)
- Potapov L. P.** Proiskhozhdenie i formirovanie khakasskoi narodnosti [Origin and formation of the Khakass nationality]. Abakan, Khakass Book Publ. House, 1957, 308 p. (in Russ.)
- Rashid-ad-Din.** Sbornik letopisei [Collection of annals]. Moscow, Leningrad, AS USSR Publ., 1952, vol. 1, book 1–2, 22 p. (in Russ.)
- Rassadin I. V.** Rodoplemennoi sostav i etnicheskaya istoriya soiotov [Tribal composition and ethnic history of Soyots]. *Vestnik Buryatskogo nauchnogo tsentra* [Bulletin of BSC SB RAS], 2016, no. 2, p. 99–104. (in Russ.)
- Serdobov N. A.** Istoriya formirovaniya tuvinskoi natsii [History of the formation of the Tuvan nation]. Kyzyl, Tuva Book Publ. House, 1971, 473 p. (in Russ.)
- Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Regional'nye rekonstruktsii [Comparative historical grammar of Turkic languages. Regional reconstruction]. Moscow, Nauka, 2002, 767 p. (in Russ.)
- Tatarintsev B. I.** Etnonim tuba [Ethnonym tuba]. *Sovetskaya tyurkologiya* [Soviet Turkology], 1990, no. 2, p. 75–83. (in Russ.)
- Tatarintsev B. I.** O nekotorykh tuvinskih etnonimakh [About some Tuvan ethnonyms]. In: Novye issledovaniya po arkheologii Tuvy i etnogenezu tuvintsev [The latest research on the archaeology of Tuva and the ethnogenesis of Tuvans]. Kyzyl, TNIIYALI Publ., 1980, p. 144–145. (in Russ.)
- Tugolukov V. A.** Evenki Vostochnoi Sibiri i Dal'nego Vostoka [Evenki of Eastern Siberia and the Far East]. Krasnoyarsk, "Siberian crafts" Publ. house, 2013, 352 p. (in Russ.)
- Zuev Yu. A.** Rannie tyurki: ocherki istorii i ideologii [Early Türks: essays on history and ideology]. Almaty, Dyke-Press Publ., 2002, 338 p. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию
Received
15.01.2020

Сведения об авторе

Ушницкий Василий Васильевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (ул. Петровского, 1, Якутск, 677007, Россия)
voma@mail.ru
ORCID 0000-0003-4802-539X

Information about the Author

Vasily V. Ushnitsky, PhD in History, Senior Researcher at the Institute for Humanitarian Research and the Problems of the Indigenous Peoples of the North SB RAS (1 Petrovsky Str., Yakutsk, 677007, Russian Federation)
voma@mail.ru
ORCID 0000-0003-4802-539X